

С.М. СОЛОВЬЕВ

9(с)

С60

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

(ТОМА 19-20)

Оренбургская областная
БИБЛИОТЕКА им. И. Н. Крупской

Издательство
социально-экономической
литературы
МОСКВА 1963

394392

вождалось первое. Но на Востоке, в странах приуральских, стремление правительства стать более твердою ногою среди варварского народонаселения вызвало со стороны последнего сильное сопротивление.

1 мая 1734 года подписана была резолюция о построении города при устье реки Ори вследствие представления сенатского обер-секретаря Ивана Кириллова, что Киргиз-кайсацкая орда, никому не подвластная, многонародная и военная, ныне приходит в подданство ее и. в-ства и уже Меньшей орды хан Абул-Хаир с подданными своими, которых около 30 000 человек, принят в подданство в 1731 году, а через его пересылки и Большая орда прислала просить о подданстве; сам хан желает, чтоб близ его владения, при устье реки Ори, впадающей в Яик, построен был город, в котором обещает по временам жить и службу оказывать.

Для построения этого города отправился тот же Кириллов в чине статского советника и скоро должен был столкнуться с знаменитым правителем горных заводов Татищевым. Осенью Татищев донес в Кабинет, что, будучи в Башкирии, говорил он татарам, что быть там ярмарке. Татары очень обрадовались, но Татищев стал им внушать, что нельзя ограничиваться этой ярмаркою: много лошадей в Сибири купить некому, а можно бы им продать их у Макарья или в Москве. Татары отвечали, что пригонять им лошадей никак нельзя, потому что везде поля засеваются хлебом, офицеры же, присылаемые к ним для покупки лошадей по деревням, делают им великие обиды, если же они, татары, «попротивятся хотя и правильно», то берут их на Уфу и сильно их разоряют. Татищев представлял, чтоб учредить ярмарку в Уфимском уезде при реке Белой, ниже Бирска, куда купечество со всей России может приезжать; сверх того, устроить там хлебный магазин; там же можно будет покупать недорого илецкую соль, лучшую в России, хотя только про обиход императрицы. Татищев прибавлял, что татары везде его спрашивали, скоро ли переменят нынешнего уфимского воеводу Кошелева, потому что он великий грабитель и бить челом на него не смеют. Вследствие этого представления Татищева Кабинет послал указ Кириллову об учреждении ярмарки в Уфимском уезде на реке Белой; кроме того, он должен был подлиннее наведаться о поведении Кошелева и немедленно отписать в Кабинет. Кириллов отвечал, что лошадиную ярмарку учредить и в обычай ввести никак нельзя, потому что башкирец дожидается купцов к себе в дом, а в город поедет разве по приказной нужде или для гуляния. О Кошелеве дал отзыв неблагоприятный. В Кабинете отдали это дело на усмотрение Кириллова.

Между тем Кириллов, готовясь к построению Оренбурга, жил в Уфе и посыпал в Кабинет любопытные известия о стране. Донося в Кабинет о вражде между киргизами и баш-

кирами, он писал: «Никогда не следует допускать их в согласие, а в потребном случае надобно нарочно поднимать их друг на друга и тем смирять».

Кириллов представил подробные известия о состоянии башкирцев: до русского подданства они разделялись по родам, которые при русском владении названы волостями; кроме того, разделялись на четыре части, или дороги: ногайскую, казанскую, сибирскую и осинскую. Все земли и угодья разделены между родами; от некоторых родов произошли уже новые, которые называются аймаками, иногда тюбями. По отношению к России башкирцы разделились на две части: 1) служилые тарханы, которые не платили никакого ясаку, но служили военную службу; 2) ясачные плательщики. Но к башкирцам для своевольного житья, также по причине обширных и изобильных мест, несмотрением бывших и нынешнего воевод, набрело жить великое множество горных татар, черемис, чуваш, вотяков, так что теперь этих пришельцев вдвое больше, чем башкирцев. Из них в давние времена некоторые крещены, только от нерадения духовных в слабой вере находятся, ибо языка русского не знают, попы толкуют чрез толмачей, и то разве однажды в год. А татары, пришельцы из Сибири, особенно из Казани, их духовные — ахуны, муллы, абызы гораздо прилежнее стараются приводить их в свой закон и обрезывать, и воздержно своею жизнью простиakov к себе привлекают, школы имеют, мечетей множество настроили, чего теперь хотя нельзя у этого своевольного народа пересечь, но впредь нужно стараться, ибо и без прибыльных людей настоящее башкирское народонаселение чрезвычайно увеличивается вследствие многоженства. Башкирцы, мещеряки и ясачные хотя и понемногу будут назначены в службу к городу Оренбургу, однако которое время там пробудут, жены без плода останутся, а которого убьют, тот и вовсе не возвратится. Так исстари наблюдали эту политику во всем государстве над татарами: во время шведской, польской и турецкой войн везде их посылали перед войсками на пропажу, вменяя в службу, а на самом деле затем, что они в домах не надобны, а теперь не только здесь, но и в Казанской и в Воронежской губерниях все живут в домах и множатся, а от платежа подушного сбора или от корабельных работ никогда не убавятся. Воров беспрестанно приводят в Уфу в суд, больше всего в краже лошадей, и почти все пришельцы из других уездов, с которыми воеводы привыкли поступать, ссылаясь на уложенье и на указы: за одну и за две кражи наказывать и освобождать. Такими людьми исстари торговля воеводская происходит: во время держания они всякую работу на воевод и приказных людей производят, а потом, кто больше даст, тот скорее и освободится; «поэтому я сделал представление в Провинциальную канцелярию, чтоб уличенных в воровстве

отнюдь не освобождали, но отправляли в Казань для отсылки на работу, ибо и без воровства надобно их отсюда убавлять, особенно тех, которые не башкирцы, а пришлые, чем будут довольны настоящие башкирцы: сами о том просят и, приходя ко мне, говорят, что дикого зверя — волков всех перевели, лошадей и скот без пастухов в лесах и степях содержат, а воров уфимские судьи перевести не могут. Суд я застал по здешнему народу весьма обидный: по всякому малому крестьянскому делу принуждены подавать исковые челобитные и в волоките конца не найдут; представил я в воеводскую канцелярию, чтоб волокит убили, и если истцы и ответчики, побивши челом в малых делах, съехали в уезд и помирились, таких в город не волочить, а велеть брать на месте мировые пошлины. Еще и то немалая была людям от города отгоня, что за водопой пролубного брали по копейке с лошади, хотя бы кто на один час в город въехал, хватали по рынку, а не у водопоя, притом иных бивали, чего ни в каких городах нет, а сбсру всего по 12 рублей в год. Я такой малый сбор, вредный интересам вашего величества, отставил, а чтоб табельному окладу не повредить, эти 12 рублей приложил к кабацкому сбору. Служилые люди, дворяне и козаки ни лошадей, ни оружия годного иметь не могут, и в такую мизерию приведены как крестьяне: работают на начальство, сено косят, дворяне в денщиках лошадей и двор чистят, огороды копают. Я денщиком отрешил и никуда в работы посыпать не велел, исполнять им только одну службу. Магометанских духовных, которые попадутся хоть в малой вине, надобно не щадя наказывать и ссылать не только из Уфимского, но из Казанского и других уездов, потому что простые татары в них, как в пророков, веруют, и они привлекли их к себе воздержным житьем и в вере утверждают и умножают. Притом можно бы из них лучших ученых от их мечетей, школ и простого народа отлучать для переводов и толмачества, как и было: из самой Казани многие и самые лучшие ученые взяты в Персию, а теперь все тут у мечетей живут».

Мы видели, что Кириллов уже столкнулся с Татищевым, объявив Кабинету, что предложение последнего о лошадиной ярмарке неудобоисполнимо. Скоро произошло другое столкновение: в марте 1735 года Татищев дал знать в Казансскую губернскую канцелярию, что, по известию из Кунгуря, у татар великие съезды и советы, каких давно не бывало, вследствие чего принятые меры предосторожности, и к башкирцам посланы лазутчики для проведения; притом Татищев писал, что посланный на Уфу курьер с письмами пропал. Узнавши об этом, Кириллов донес императрице, что известие не основательно, все обстоит благополучно, что письмо оного Татищева приводит только к страху и конфузии простых неведущих кунгурцев, что курьеры ездят безо всякой опасности и

ни один из них не пропадал. Башкирцы действительно собираются, потому что им объявлена служба к реке Ори для построения города. Может быть, искореняемые вследствие новых распоряжений его, Кириллова, воришки-конокрады, убегая от поимок, разгласили оному действительному статскому советнику (Татищеву) о пустых опасностях, о чём удобнее было бы ему поблизости списаться с ним, Кирилловым, и, получив подлинное известие, уже бояться. Теперь башкирцы, увидав правление без лакомства, находятся в таком подданническом послушании, в каком прежде никогда не были; ибо кто не мздоимец, такому покорны, а кто хочет себя обогатить, тот не воевода, а раб их будет и что хотят, то воевода поневоле им делает.

В апреле Кириллов двинулся за реку Белую и, разговаривая на дороге с ташкентскими купцами, уже составлял планы о приведении в подданство Ташкента и Туркестана, вызвал из Астрахани индейского купца, чтобы расспросить его об индийском торге и о путях в Индию, а между тем писал кабинет-министрам Остерману и Черкасскому: «Надеюсь, милостивые государи, частыми прошениями досаждаю, да миновать нельзя: ежели от вас оставлен буду, кто же поможет? Не могу от Военной коллегии конца найти в перемене уфимских солдат. Ежели никакие резоны не годятся, то напрасно я в таком великом деле азарт на себя взял, ибо третя батальонами, со мною на первый случай посланными, обнять и в вечном владении утвердить двух провинций нельзя. Сосед мой Василий Никитич еще изволил покушаться: приведя к самой распутьице, отпустил пушечки и фалконеты, наняв безмерною ценою; однако бог свое делает; до места не раскидали, но довезли. Ведаю его намерение строить на башкирских землях медные заводы и будто бы башкирцев тем лучше в покорение привести можно, но подлинно он обычаев их не знает, а когда в башкирцах заводам быть, то разве еще вдесятеро беглых прибудет, паче же утеснением на прежние худые замыслы принудим напрасно»²⁵⁹. Но Кириллов хорошо знал, что если будет оставлен Остерманом и Черкасским, то может помочь ему Бирон, и потому написал к нему 21 июля: «Не иное что придало причину получить всемилостивейшие нашей монархии указы на все мои нижайшего раба доношения в Кабинет, в Сенат и Военную коллегию посланные, как вашего высокографского сиятельства милостивое сему новому делу призрение, за что всемогущий бог да подаст вашей фамилии долголетнее здравие с получением всех благ по желанию сердец ваших и слава имени да пребудет в вечной незабвенної памяти, что таковым полезным делам, о которых мало верят, есть скорый помощник. Теперь неимоверно и наполнены эхи от всех сторон неудобностями, опасностями, но здесь

в настоящем деле иначе все к тому идет, что в нижайшем моем проекте написано»²⁶⁰.

Помощь Бирона была очень нужна Кириллову при новой опасности, которой подверглось его дело.

Шедший за ним к Ори реке из Уфы Вологодский драгунский полк подвергся нападению восставших башкирцев; подполковник Чириков и с ним 60 человек были убиты, из обозу 46 возов было оторвано и разграблено. Кириллов старался представить, что опасность не так велика; так он писал: «Верные башкирцы многих волостей побрали указы о поимке воров, весьма ненавидят их и ставят в несчастье свое, что такие воры явились, просят отпуску для человечья вашему величеству, чтоб себя оправдать, а воров перевесть». К Бирону 23 июля Кириллов отправил новое письмо: «Буде, милосердый государь, для такого малого воровского нападения, да оставлено будет к великой славе и пользе зачатое дело, то не токмо новые многие народы, пришедшие в подданство и еще желающие подданства со многими городами, яко Ташкент и Арал, можем потерять, но и нынешний случай к подобранию рассыпанных бухарских и самаркандских провинций и богатого места Бодокшана упустим, а, сверх того, старым подданным башкирцам случай подастся впредь злодействовать по их махометанству внутренних ко христианству врагов, а ежели не послаблено и не оставлено будет, то башкирцев за городкою нового Оренбурга и других по Яику и Белой реке городков со временем в такое подданство удобно будет примать, как казанских татар, причя к потерянию их вольностей явное их воровство, а между тем вышеупомянутые новые владения присовокупятся и страх на обе стороны прибудет, что во время какого воровства башкирцев койсаками, а койсаков башкирцами смирять, к чему и калмыки близки. Все прежде бывшие в таких же своевольствах — Малая Россия разорением Батурина, яицкие козаки Качалина и других городков и не упуском за воровства казнями в надлежащее покорение приведены, а башкирцы самый плюгавый и неоружейный народ, подобны чуваше и мордве, никакого страху не ведающи, живут почти без податей и без службы, попущенные к своевольствиям, но токмо одни воеводы, бывшие у них, наживаясь, многие тысячи свозили»²⁶¹.

5 августа правительственный Сенат, будучи в Кабинете и слушав с господами кабинетными министрами сообщенных сведений о возмущении башкирском, по общему согласию положили учинить следующее: немедленно послать персону знатную и надежную, которому дать полную мочь и власть, употребляя вначале добрые способы и уговоры, а если добрые способы не действуют, то употреблять оружие. Если башкирцы будут представлять о своих обидах, то исследовать немедленно по сущей правде тех, на кого они покажут, за

крепкий караул брать, обиды тотчас прекратить и, сколько возможно, поправить; если б они поставили себе в обиду строение крепости на реке Ори, то объяснить им, что крепость эта строится только для защиты их от киргиз-койсаков. Из Елабуги, из Кунгура приходили известия о немалой опасности от башкирцев и татар; башкирцы присыпали в Казанский уезд поднимать тамошних татар — русских людей рубить и деревни жечь.

Кириллов, несмотря ни на какие препятствия, хотел сделать свое дело: 16 августа он прислал императрице поздравление с Новою Россиею, которая приобретена собственным ее величества предусмотрением и впредь почтена быть может не меньше сысканных от европейских держав земель, прославленных металлами и минералами. Кириллов доносил при этом, что он с командою благополучно достиг реки Ори; по дороге и на месте будущего Оренбурга нашли благонадежные признаки руд медных и серебряных, также камни порфир, яшму, мрамор.

Знатная и надежная персона, назначенная для усмирения башкирского бунта, был, как мы уже упомянули, опальный А. И. Румянцев, получивший прежний свой чин генерал-лейтенанта и назначенный сначала астраханским, а потом казанским губернатором. Кириллов, получа приказ во всем повиноваться приказаниям Румянцева, писал 23 сентября, что он Оренбург благополучно основал, артиллерию укрепил, солдатскую команду в первую крепость и в казармы ввел и провиантом удовольствовал; потом вследствие известий о башкирских разбоях принужден был оставить в Оренбурге подполковника Чемадурова с десятью ротами, а сам отправился назад для соединения с Румянцевым, который стоял в Мензелинске. Кириллов и Румянцев разрознились в мнениях о средствах потушения мятежа; Кириллов писал, что башкирцы до тех пор не усмирятся, пока не последует розыск и казни и не введутся полки на квартиры в Уфимский уезд; Румянцев же писал, что опасается не взолновать бы этими мерами всех башкирцев, тогда как до сих пор была замешана в бунте только часть их, и думает, что лучше без оружия привести их в повиновение, довольствуясь повинной челобитной от всего народа. В начале ноября Румянцев донес, что башкирское возмущение утешено, причем нельзя наказать бунтовщиков, во-первых, по малочисленности войска: при Румянцеве находилось только четыре драгунских роты, один батальон казанского гарнизона и 650 козаков; во-вторых, провианта нет, ни подрядчиков найти, ни натурою собирать нельзя. Относительно причины бунта Румянцев извещал о жалобах башкирцев на суровые поступки полковника Тевкелева. В письме, присланном от башкирских старшин к Румянцеву, говорилось, что им присланы были указы идти на оренбург-

скую службу; не зная подлинно как ехать, собрались они всем миром и поехали на место, где дедам и отцам их указы объявлялись, и послали в Уфу осведомиться о подлинном указе, в какой силе они на службу наряжаются. Но Тевкелев одного из их посланных убил, другого высек, двоих под караулом держал; кроме того, худым людям указ дал ловить и приводить в Уфу лучших людей, которые были в собрании. Узнав об этом, лучшие люди заплакали, что жизнь их кончилась, и от такой неволи забунтовали; и с Иваном Кирилловичем ссорились от него же, Тевкелева. «Не повелите ль, — писал Румянцев императрице, — до удобнейшего времени так их ныне в тишине оставить, ибо народ грубый и вскоре так к верному подданству и к накладу на них податей без всякого их возмущения никак привесть невозможно, а надобно время до времени почаше старшин их призывать, и потом, когда какое намерение вашего величества будет, уготовясь совсем заблаговременно, как везде довольные магазины устроить, так и здешние пригородки для убежища людям укрепить, тогда их всех знатных задержать и уже силою оружия к тому приводить».

Главный командир Румянцев был не согласен с мнением Кириллова; Татищев в своих письмах к Румянцеву внушал ему недоверие к планам оренбургского основателя, открывшего Новую Россию. 30 октября Татищев писал Румянцеву из Катеринска: «Господин статский советник обнадеживает меня тем, что ныне в Оренбурге завод серебряный, а на Самаре медный заводить намерен, и требует к строению оных ремесленников. И хотя к тому я великую охоту имею, но паче же должность моя, что то более положено на меня, однако ж мне оное весьма удивительно, ибо хотя б все было спокойно, но завод не прежде строить, как все к тому нужные обстоятельства согласовать будут, и суще: 1) чтоб руд было довольно, но того весьма нет, а по верховым верить нельзя, ибо сверху покажется, да в глыбы ничего; 2) чтоб руды плавки достойны были; но из присланных проб видим, что ни единой достойной нет; ежели же ко мне недостойные присланы, а лучшие оставлены, то и причины не разумею; 3) надобно, чтоб лесов было довольно, но к нам писал наш посланный надзиратель, и полковник Тевкелев сказывал, что лесов там весьма недовоально, и потому я в такое сомнительное дело вступать не смею, но хочу ожидать, как ваше прев-ство довольно обстоятельства рассмотрите и меня уведомите».

Императрица одобрила мнение Румянцева, чтобы пока довольствоваться настоящим положением дел между башкирцами, но приказала, чтоб Кириллов приехал из Уфы в Мензелинск к Румянцеву на совещания о мерах окончательного успокоения башкирцев. В декабре 1735 года Румянцев и Кириллов выработали (т. е. Кириллов написал, а Румянцев под-

писал) такое рассуждение: 1) между башкирцами старинные тарханы никакого ясаку не платят, должны служить, но служат они своему воровству, а не по указам, и потому этот их чин вперед не надобен; остальные башкирцы платят ясак самый малый; 2) мещеряки, служилые татары по указам из других городов накликаны и определены служить по Уфе, но собственными землями не наделены, принуждены жить на башкирских и давать башкирцам подать, почему пошли было в крестьянство к башкирцам, но по приезде Кириллова и Тевкелева они от башкирского послушания отвращены и в нынешнем башкирском воровстве служили верно; их тысяч с пять способных к службе; 3) тептери и бобыли — из разных уездов беглые татары, чуваши, черемисы, вотяки, башкирцы отдают им в наймы свои земли и владеют ими как крестьянами; 4) новокрещеные ясачные, число их малое — дворов с 300, равного состояния с тептерями и бобылями, и хотя презираемы в наставлении истинного благочестия, однако весьма в службе верны и за то разорены теперь ворами. Причина нынешней продержности башкирцев — это послабление их прежним своевольством и воровством, и потому впредь надобно находящиеся здесь полки в надлежащее состояние привести; магазины наполнить провиантом, основать Оренбург и другие назначенные крепости; мещерякам за их верность и службу отдать в вечное и безоброчное владение те земли, которые они нанимают у башкирцев; с тептерями и бобылями старыми поступать точно таким же образом; замешанным в воровстве запретить носить ружья и по домам иметь; в уезде кузнецовых и кузниц не иметь, из городов кузнецовых и насекальщиков в уезд не отпускать; пусть покупают все нужное в городах; пойманых в воровстве и в бунте и повинившихся казнить или в ссылку сослать, а не освобождать, ибо к будущим воровствам первая надежда, что не только непойманных прощают, но из тюрем освобождают, а пущих заводчиков, хотя они и прощение получили, по причинам частных дел одного за другим забрать и жестокою казнью казнить; внутри башкирских земель построить городки; каждая волость должна иметь у себя выборных старшин, двух или трех, на которых можно было бы взыскать всякое преступление или неисправку, а теперь у них всяк большой, и указы пишут общетарханам, батырям и всем башкирцам; также запретить сбороища делать, отставить обыкновенный старинный мирской сбор в семик у речки Чесновки: в это время пусть советуются о мирских нуждах, письменно доносят и блют целом, а не так, как прежде бывало; собравшись поутру, воевод, приказных людей и толмачей на письме бранивали ворами, грабителями, разорителями, а как эти воры их одарят, скота на зарез и пойла пришлют, то пьяные к вечеру похвальное письмо напишут и в ночь разъедутся по домам; горланы с таких

сборищей деньгами, кафтанами и сукнами рублей по 50 и больше сваживали. Так как есть явное подозрение на магометанское духовенство, то оставить по одному ахуну на дорогу, а взять с них присягу, чтоб о всяких дурных поступках объявляли и из других вер в свой закон не приводили, без указов мечетей и школ вновь не строили, и если ахун умрет, то нового определять правительству, смотря по верности, а не самим башкирцам ставить. Башкирцы, разбогатев, завели свойство с казанскими, слободскими и уездными татарами, и этим способом во всяком деле, чтоб в Казани ни началось, башкирцам уже давно дано знать: надобно запретить в свойство вступать без позволения казанского губернатора и при позволении наложить подать с свадьбы лошадьми. Снять запрещение покупать у башкирцев земли и угодья, чтоб мешались с посторонними. Меры эти касаются не настоящего только, но будущего времени: башкирцы опасны не настоящею своею силою, но будущим размножением от многоженства и проплыва беглых; если бы противодействовать этому размножению без случая мятежа, то все бы взбунтовались, а теперь легко начать с открывшихся воров; когда они будут приbraneы к рукам, тогда остатки легче укротить и так в мутной воде обуздать, как в старину по Волге черемис и мордву. Если же упустить нынешнее удобное время и не взять предосторожности, то вперед надобно опасаться большого зла, особенно в случае войны с единоверными им турками, или если между ними явится умный вор, как был Стенька Разин. Если б даже и этого не случилось, то русское бесславие во всю полуденную Азию пойдет, потому что там разглашают они себя не подданными, но независимыми, защищая под своим именем принятых беглецов. Когда же башкирцы будут усмирены, то все новоподданные и желающие принять подданство такие же ветреные народы не посмеют впредь своевольничать или по крайней мере не будут в пример ставить башкирскую вольность. Но для усмирения башкирцев необходим Оренбург, который находится позади башкирского жилья и которым вместе с принадлежащими к нему местечками башкирцы будут огорожены как стеною.

Кириллов отправился с этим мнением в Петербург, где в начале 1736 года узнали, что башкирцы Ногайской и Казанской дорог опять начали бунтовать и не пропустили к Оренбургу обоза с провиантом. Кириллов воспользовался случаем и подал императрице мнение: не соизволено ль будет воров башкирцев от Сибирской и Казанской стороны утеснить, разоря сплошь, а у тех, которые к воровству не приставали, взять в города аманатов, сыновей и братьев знатных людей, а не таких наемников, которые в прошлых годах были; теперь самое удобное время действовать против башкирцев — март и апрель месяцы: сами они голодны и лошади худы. Мнение

было принято, и автор его был опять отправлен наскоро в Уфу; Румянцев получил указ немедленно идти из Казани в башкирские жилища, воров всякими мерами искоренять, жилища их разорять, пущих заводчиков казнить смертию, прочих с женами и детьми ссылать в ссылку, годных — в службу в охотейские полки и во флот, негодных — в работу в Рогервик, малолетних и женщин раздать в русских городах, кто взять пожелает, с тем чтобы назад на свободу отнюдь не отпускали, пожитки и хлеб отбирать на войско и в магазины, лошадей отсылать в драгунские полки. В половине марта Румянцев донес, что хотя около Уфы, также на Сибирской и Осинской дорогах и есть башкирские замешания, однако на обеих этих дорогах уже более двух тысяч воров искоренено и несколько десятков деревень разорено. 3 апреля Румянцев двинулся к реке Деме в самые воровские жилища; тогда заводчики бунта, отпустя семейства свои в демские вершины, сами явились к нему в числе 19 человек в надежде, что опять получат прощение, но Румянцев взял их всех под караул и шел далее воровскими жилищами до самой крайней деревни вверх по реке Деме; воровские собрания не оказывали нигде ни малейшего сопротивления и бежали перед русским войском; около тысячи воров обоего пола было побито, около ста деревень выжжено. Кириллов писал, что 24 марта вышел он на ногайскую дорогу и воров-башкирцев разными партиями, как скот, гнали. По рекам Белой, Уршаку, Кегушу, Тору, Селеуку, где было самое воровское гнездо, сожжено около 200 деревень, в которых около 4000 дворов; разорена и первая во всей орде мечеть Азиева, в которой во все бунты башкиры совещались о восстании и коран целовали; казнено 158 человек, побито обоего пола около 700, живых взято 160 да роздано в Уфе 85, в Остзию в службу послано 99; так как сильное разорение произведено самим Румянцевым по реке Деме, полковниками Мартаковым и Тевкелевым — на Осинской и Сибирской дорогах, из Сибири — тамошними командами под управлением Татищева, так как уже пропало воров около 4000, то такой погром, по словам Кириллова, привел к тому, что воры не знали куда скрыться, ибо с самого начала подданства ни за которые бунты никогда такой казни и разорения не видали. «По сему началу несомненная надежда есть, что сии плуты в совершенное подданство приведены будут». В мае майор Останков поразил воров от Сакмарска по Ногайской дороге. Несмотря на то, плуты не были еще приведены в совершенное подданство. Румянцев донес из лагеря, неподалеку от Мензелинска, что 29 июня вор Кильмяк-Абыз из-за реки Белой, собравши башкирцев Ногайской и Сибирской дорог тысяч с семь или больше, нечаянно напал на его лагерь к самому фронту, зная, что у него команда не очень людна и то вся бывала в «раскомандировании»; ворам

хотелось Румянцева убить или взять в плен и освободить всех своих аманатов и пленных, но этого им не удалось; несмотря на сильный натиск башкирцев, причем русские потеряли около 150 драгун убитыми и ранеными, воры побежали, как только завидели пехоту, оставив человек двести на поле сражения. Но эта проигранная битва не отняла духа у башкирцев Кильмяковой толпы; они стали возмущать башкирцев Казанской и Ногайской дорог, пожгли и разорили много деревень, которые к ним не приставали, и в верности осталось очень немного деревень, именно только те, которые находились в лесах и засеках. «Теперь вся эта сторона в великом смятении,— писал Румянцев, — и почти все пристали к ворам, даже до самого Казанского уезда. За скорою ездою воров нашим гонять за ними никак нельзя; где сойдутся, башкирцы нимало не стоят, а нашим гнать за ними за худобою лошадей и за отягчением провианта нельзя; в летнее время регулярным войскам справиться с ворами никак невозможно, и нерегулярных при мне самарских козаков только 200 человек, а яицкие и до сих пор не бывали; нельзя ли калмыков сюда отправить, хотя малое число? Башкирцы ныне все подозрительны явились, ибо отцы у меня содержатся, а дети к ворам пристали». К калмыкам отправлена была грамота, чтоб щли на башкирцев, к Миниху указ, чтоб отправил в Башкирию два драгунских полка, «понеже интерес наш всемерно требует, чтоб чрез нынешнюю зиму тех бунтовщиков усмирить и сие замешание к вящему расширению не допускать». Кириллов продолжал присыпать утешительные донесения, причем явно намекал на оплошность Румянцева. От 13 августа он писал: «Об искоренении воров-башкирцев старание прилагаю, и многое число главных плотов уже в разных местах пропало, а прочие бегами живот свой спасают; и хотя в июне и июле воровским обычаем наглости от них были и еще может быть произойдут в таких местах, где оплошных найдут: однако к тому пришли, что сей бунт подлинно последним останется, и уже Сибирская дорога вся и по Ногайской многие в совершенное подданство приведены, и остальные, если будут продолжать воровство, с голоду и холodu зимою пропадать станут; лошади и скот во многих местах выпали, и теперь еще падеж не утих. Что же до строения городков надлежит, и в том не на одно сие время, но вечный интерес зависит, и слава победоносного оружия вашего величества купно со отворением полезной коммерции во всю полуденную Азию распространится, ибо в самых пустых и доселе неизвестных или брошенных местах несколько новых провинций поддержав вашего величества прибудет с таким подземным плодом, о котором многие еще не верят; и к тому страждущее в басурманских руках христианство (т. е. в Хиве, Бухарах, Балхе, Бодокшане и иных) свободу получит и впредь туда из

крайних русских селений никак заяицким татарам воровскими набегами в полон брать или красть будет нельзя. Опричь внутренних в башкирах городов, позади всего их жилья, зачиная от Волги до Сибири и от Оренбурга до Аральского моря быть имеет 45. Старания прилагать буду, дабы действительно оные населить и на Аральском море российский флаг объявить, а работников с государства к работе оных городков требовать не буду. Кайсацкие три орды состоят в подданстве и присылали ко мне с тем, что они верность свою и службу желают показать над ворами-башкирцами. Понеже в том вашего величества высокий интерес зависит, дабы сии народы всегда в несогласии были, позволил в отмщение своих прежних обид поиск учинить над дальними Сибирской и Ногайской дорог башкирцами. А ко всегдашнему смотрению на поступки тех орд намерен определить в каждую орду человека по два и быть при ханах и лучших старшинах, коих людей из ссылочных выберу, потому что хотя из них в каком-либо случае пропадет — тужить не о ком, а может быть, заслуживая вины свои, прилежнее станут наблюдать». В сентябре Кириллов писал, что несколько новых городков населил охочими козаками, татарами и калмыками: «И тако без всякой помехи и без государственных работников начало живой линии воспоследовало; ни одного места нет с недостатком к житию человеческому; земля черная, леса, луга, рыбные, звериные ловли довольные». Относительно башкирцев писал: «У сих воров не так, как у других орд, никого главного владельца нет, но подобно волжским разбойникам, где увидят оплошно, тут добычи ищут; ежели б они столько сильны были, как об них за незнанием рассуждают, то как бы я со 100 драгун и несколькими стами козаков без нападения на меня сквозь самой средины жилья пройти мог?» В то же время Кириллов писал Бирону, подписываясь «вечным рабом» и прося не оставить его, бедного, в здешнем странствовании; писал о своей деятельности, что нигде десяти дней на одном месте не живет; жаловался, что отовсюду затрудняют его пустыми указами: «Навещают отовсюду указами и такими, что жаль листа бумаги на ответы терять, только у меня время удерживают; хотя б дали мало основаться и к порядку привести: тогда мог бы на пустые требования пустые и ответы на гуляньи писать».

Румянцев был перемещен в Украину, и отправленный на его место бригадир Хрущов в конце октября 1736 года доносил, что отовсюду башкирцы являются с повинною и присягают; заводчиков бунта задерживали под караулом в виде аманатов. По донесению Кириллова, башкирцы принуждаемы были к покорности голодом, холодом и нападениями киргизов. Но из Петербурга получен был указ, что «хотя при нынешней турецкой войне в войске не без нужды, однако

не меньше нужно и то, чтобы здешний домашний внутренний огонь был потушен как можно скорей, и потушен таким образом, чтобы вперед не опасаться новых смут», и потому они должны сделать общее представление о средствах для этого. На основании этого указа Хрущов и Кириллов доносили, что войска распределены ими на пять команд, так чтобы в будущем апреле можно было окружить ими башкирцев со всех сторон, главных заводчиков и товарищей их до сих пор не пойманных искоренить, остальных же привести в полное подданство. Башкирцев двух ближних дорог, Казанской и Осинской, кажется, опасаться нечего; относительно же Сибирской стороны, писал Кириллов к Татищеву, который «в начале второго бунта поступал очень осмотрительно, и сам, вступая к башкирцам в малолюдстве, почти с одними крестьянами, привел бунтовщиков в повиновение и два городка в удобных местах построил, почему на него и впредь насчет тамошнего отдаленного края надежда имеется»²⁶².

В начале 1737 года Кириллов, Хрущов и Татищев получили из Кабинета секретные указы, что Румянцев доносил (а Румянцеву внушил эту мысль Татищев), когда башкиры будут успокоены, то для уменьшения их числа и приведения в слабость надобно взять у них тысячи две или три лучших и вооруженных людей под предлогом турецкой войны; теперь наступило удобное для этого время, но Кабинет полагается совершенно на Татищева, Кириллова и Хрущова: если они думают, что время еще неудобно, то пусть не трогают башкирцев. Но в то же время Хрущов был назначен в Украинскую армию, его место занял генерал-майор Соймонов, которому, как предвиделось, не могло быть много дела; составлены были такие известия для напечатания в курантах: «Из башкир получены подтверждительные ведомости, что тамошняя комиссия к окончанию приходит. Которые главные бунтовщики подлый народ возмутили, те переловлены, а именно: Кильмяк-Абыз, Акай Кусюмов с сыном, Умир Тахтаров, Сабан, Юсуп и другие многие, коим вскоре следствие окончится, а прочих уже несколько сот в разных местах переказнено, также немалое число в Казань для отводу в Остзию — одних в службу, а других в работу в Рогервик послано, женска полу и малых робят несколько тысяч к вывозу в русские города розданы и не допущены были к жатве сеянного и к севу нового хлеба, деревни воровские все разорены, и так тем успокоено, что, оставя прежние своевольности, приняли вечную присягу, и таким образом, повинуясь, новое учреждение сами испросили к лучшему в порядке сего почти дикого народа содержанию, во всякой волости старшин (т. е. русских старост), сотников и во всякой деревне десятских определили, провиант и фураж на войско безденежно дают; с них же несколько тысяч лошадей собрано, чего никогда не бывало.

И по тем спокойным и прибыточным государству обстоятельствам ныне обретаются в башкирах тамошние гварнizonные и ландмилицкие полки, которые не праздно стоят, но Уфу и другие новые города и городки крепостною работою оканчивать имеют. Также чрез сей случай бытъя в Башкирах множество осмотрено разных руд и минералов, для которых первый завод медный и железный при новом городе Табынске, другой на Ике реке строятся. Из Оренбурга: здесь все благополучно и прошлого лета зачали из кайсацких орд и из Ташкента приезжать для торгу».

В это благополучное время, 14 апреля, умер строитель Оренбурга Кириллов, и доканчивать его дело поручено было Татищеву. В реескрипте ему от 10 мая говорилось: «Мы на ваше вечное радение и добroe искусство всемилостивейше полагаемся, и что вы в оной комиссии тщательнейшие свои труды прилагать не оставите, за что вы и о нашей к вам высочайшей милости и действительном награждении всегда обнадежены быть можете, яко же и ныне в знак того вас в наши тайные советники жалуем». Татищеву, между прочим, поручалось, чтобы установленная с хивинцами торговля всячески усиливалась и чтоб киргиз-кайсаки были приласканы и от всяких противных предприятийдержаны. 25 июня Татищев написал кабинет-министрам Остерману и Черкасскому: «С крайним моим прилежанием трудясь, заводы совсем определить не возмог, чему и болезнь мне немало повредила; видя же, что и так надмерно умудрил, опасаясь за умудление ее и. в-ства гнева, несмотря на мою болезнь, на носилках поехал до пристани, а докончание заводское поручил советнику г. Хрущову, чтоб сочиняя ко мне присыпал, и надеюсь в месяц все оное окончится, ибо главные заводы окончили, по которому прочих сочинить уже не трудно. При сем же всепокорно нижайше прошу вашего сиятельства, чтоб благоволили о заводах определить указом, ведать ли мне оные или оставить и более не вступаться». Башкиры все еще поднимались в разных местах, и, приехавши в Мензелинск, Татищев держал совет с Соймоновым, с уфимским воеводою Шемякиным и полковниками о мерах к окончательному потушению мятежа. При этих обсуждениях и решениях Татищев первенствовал не по чину только, но по уму и опытности. В июле Татищев уже писал Остерману и Черкасскому о непорядках: «Что я к прежним командирам писал и что здесь делалось, то генерал-майор (Соймонов) не знал, а другие запамятали. Слышу от многих, что великие пакости происходят, о чем и прежде к статскому советнику Шемякину по жалобам башкирским на его канцелярию писал, и здесь на некоторых жаловались, а генерал-майор, как человек тихой, не довольно строго в таких делах поступает, а паче что до него было, и не знает. Також полковник Бордукевич требовал

денег на покупку под драгун команды его лошадей, и как я наедине о том с офицеры разговаривал, то сказали, что он башкирских лошадей, отбирая себе, продавал, и ныне-де у него близ 100, а несколько сослано к приятелям в деревни. При толковании пунктов Шемякин о воеводах не хотел подписаться и спорил долго тем, что воеводы и подьячие жалованья не имеют и им брать не запрещено, но я дерзнул сказать, что я имею особливый указ и если уведаю чьи непорядки, то и без его подписки буду поступать по указу. И генерал-майор ему говорил, чтоб он, не входя в подозрение, конечно, подписался. Хотя сие все делал я по ревности моей к пользе ее и. в-ства, однако ж опасаюсь, чтоб такою смелостью паче данной мне власти не прогневать ее и. в-ство, всепокорно нижайше прошу, если противно явится, высокою вашею ко мне милостию меня охранить и на лучшее наставить».

Кроме совещаний в большом числе членов Татищев признал нужным советоваться о более важных мерах только с Соймоновым, Шемякиным и полковником Тевкелевым. Эти меры он изложил в секретном письме к Соймонову: 1) «о наряде башкирцев на службу. Мое мнение: сей наряд весьма бы нужен и полезен был, если бы с весны объявлен был, ибо тогда они не могли отговорки иметь, да и главнейшие воры тому не противное показывали; ныне же видится неудобно для того, что они возмнят, яко бы войска российские против турок бессильны были, и тем могут паче в воровстве укрепиться или, видя поздний наряд, возмнят противное; 2) о положении их в подушный оклад; сие ныне говорить весьма оставить, но быть довольною сбором ясака и за женитьбы лошадей, которое близ того придет; и впредь о подушном окладе скоро думать не надобно, но когда Исетская провинция и крепости от Сибири к Оренбургу устроятся и им с кайсаками коммуникация перережется, тогда положить на них ясак такой, чтоб с поголовным мало разнствовал; 3) вор Майдар жалуется на старшин, якобы верные грабительством своим новому смятению причину дали, которое, может быть, правда и потому разумею, что они, воры, бывши в великом собрании, большого вреда русским деревням не чиня без всякого от войск принуждения, разоря токмо мещеряков и старшин, на которых они наиболее жаловались, в дома возвратились. Что до непорядков, происходящих от офицеров, принадлежит, при толковании оного пункта некоторые, чтоб командирам до башкирских пожитков не касаться, за тяжко поставили, и правда, если бы сие с регулярным неприятелем было; в бунтовщиках же весьма иное состояние, ибо многие невинны находятся. Капитан Житков таким лакомством великий вред сделал тем, что из лакомства верных разорил и побил, которого ее и. в-ство по суду велела казнить смертью. Здесь же майор Бронской таким же случаем великой вред

сделал, что, принесших повинную и безоборонных оступя, несколько сот побил, и пожитки себе побрал, который не токмо по указам и уставам не наказан, но и не сужден, а из того многие, увида, не токмо с повинною не пошли, но и новой бунт воздигнули, коль же паче известно, что многие коман-диры для такого лакомства, забыв свою должность, мечутся за пожитками; другие по окончании дела у драгун, козаков и вольницы взятые от воров пожитки обирали, и тем у оных охоту отняли, некоторые же полковники, как слышу, видя в полках своих в конях недостаток, избрав башкирских лоша-дей, продавали и в деревни сослали». Наконец новый коман-дир нашел, что старый сделал важную ошибку, построил Оренбург на неудобном месте: назначенное для большого го-рода место ежегодно поднимается водою более аршина; по за Яику надобно идти степью открытою 110 верст и никогда без конвоя осмелиться нельзя, а по сю сторону Яика прошли великие горы, и объезд не только дальний, но и чрезвычайно трудный. «Надобно город перенести, — писал Татищев, — пока еще многое не построено; кому это в вину причесть, не знаю, ибо инженерные офицеры сказывают, что о неудобствах Кириллову представляли, да слушать не хотел, и офицера искусного в городостроении нет». Татищев обвинял также Ки-риллова, что при нем канцелярского порядка, как устав по-велевает, учинено не было, протокола и журнала порядочно не содержано, списков служителям с их окладами не учинено, и хотя подьячих было немало, но все набраны молодые и ма-лоискусные, а к тому и повытей было не расписано, записок одного дела искать нужно по разным местам. Счеты весьма неправильны, потому что приход и расход был в разных ру-ках и весьма беспорядочен, чрез что учинились проронки, окладных книг учинено не было, давано жалованье все по выпискам, и оттого учинены передачи. В подряде провианта и провоза великие передачи — из корысти или из продерзо-сти — неизвестно. Но, будучи недоволен управлением своего предшественника, Татищев был недоволен и настоящими от-ношениями своими к Соймонову. «Что до усмирения башкир-цев принадлежит, — писал он в декабре 1737 года, — то я сердечно оного желаю и крайне прилежу, но как я власти и команды более не имею, что над определенными в поручен-ную мне комиссию, а прочее все в команде генерал-майора Соймонова, и мне ему повелевать нельзя, да я где у него сколько людей и что их к тому намерение — не ведаю, хотя я неоднократно рапортом не яко командр, но токмо мне для известия требовал, но не получил, а без того мне порядочно рассудить не можно. Он (Соймонов) человек добрый и слу-жил довольно, но притом в рассуждении весьма медлен и к произвождению холодноват, и для того может не все так делается, как надобно, а мне более делать нечего».

Заведенный службою в степь, Татищев должен был встретиться с знаменитым в русской истории явлением, с козачеством, на которое по своей любви к строгому порядку и определенности отношений взглянул сурово²⁶³. В конце 1737 года, находясь в Самаре, он подал доклад «о беспорядках Яицкого войска». «Старших у них чрезвычайно много, и выбираются большею частью люди безграмотные. По-моему, лучше им определить одного войскового атамана, двух есаулов, одного писаря, а у тысячи козаков одного полковника или старшину, так как козаков с захребетниками считают от семи до десяти тысяч человек, то старшин не может быть более семи. В круг их приходит множество, где и при слушании указов бесчинство, браны и крики бывают, и часто случается, что атаман унять не в состоянии: не лучше ли исполнять указы в избе, а не в кругу атаману с есаулами и старшинами; если же случится войсковое важное дело, то призывать сотников, а если будет дело о наряде войска или какое скорое объявление, тогда созывать в круг и десятников, а всех не созывать, чрез что у них чины будут в большом почтении, а подлость в страхе. Жалованье им небольшое, но и то по причине великих проездов с великою убавкою приходит, вместо 3000 в год достается по семи или осьми сот рублей. Наряды в службу у них беспорядочные: всегда нанимают козаков договором, причем атаман и старшины нанимают для своей корысти самых бездельных захребетников, худоконных и безоружных: лучше разделить их на полки и наряду быть из сотен поочереди. Всего хуже то, что они никакого для суда закона и для правления устава не имеют, поступают по своевольству, не рассуждая, что им полезно или вредно: по обычаю за бездельные дела казнят смертию, а важными пренебрегают. Не соизволено ль будет главному командиру или губернатору, собрав лучших старшин, сочинить общий устав для донских, яицких, гребенских и волжских козаков, а так как для их многих застарелых вольностей все непорядки вдруг уничтожить и добрый наряд ввести не очень удобно, то новый устав сначала объявить от губернатора или генерала, чтоб по воле ее величества всегда переменить или пополнить было можно». Оканчивает Татищев свой доклад обычным припевом: «Я усмотрел, что атаман и старшины грамоте не умеют, законов знать не могут, и потому войсковой и другие писаря что хотят, то пишут, отчего великие беспорядки происходят; поэтому не соизволено ль будет повелеть им учредить школы с объявлением, что впредь безграмотных ни в какие достоинства не производить».

1738 год для Татищева начался очень неприятно: воровские башкирцы разоряли деревни верных башкирцев, а денег на жалованье войску и покупку провианта Татищев не получал: «Я пришел в крайнюю печаль и вижу, что мне из сего

не иначе, как конечная погибель воспоследует, понеже без денег, провианта, нужной амуниции, припасов и без довольства людей выступить невозможн». С другой стороны, занимало его тяжелое следственное дело о непорядках уфимского воеводы Шемякина, который, пришедши однажды в дом к Татищеву с великим невежеством, хотел с ним браниться, чтоб иметь причину отвести его от следствия, но Татищев сдержался и спокойно велел ему уйти; тогда Шемякин объявил, что знает за Татищевым важные интересные дела, и требовал, чтоб для их объявления его отправили в Сенат или к казанскому губернатору: «Я знаю за ним такие важные дела, что или мне, или ему голову отрубят». Из Петербурга прислали указ наведаться обстоятельно о турецких посланцах к киргиз-кайсакам и бдительно смотреть за казанскими татарами, всюду разъезжавшими по торговым делам. Татищев отвечал, что посланцы всего удобнее могли проехать через Астрахань и Яик, а письмо легко переслать через казанских и уфимских татар; Татищев давал знать, что на Яике между козаками много некрещеных татар, которые на Дон ездят с торгами, и усмотреть за ними атаману нельзя, потому что правление их беспорядочное и своевольное. Синод дал знать в Кабинет о жалобе протопопа при Оренбургской комиссии и ректора Антипы Мартинианова, которого Татищев в Самаре без объявления вины, презрев власть св. Синода, посадил с утра на цепь, водил по улице, как бы напоказ бывшим тогда в Оренбурге киргиз-кайсацким посланцам, и, приведши в канцелярию, держал на цепи до вечерен. Синод представлял, что Татищеву этого чинить весьма не надлежало, и требовал сatisfactionи. Татищев по этому случаю писал императрице: «На оное я никакого пред вашим и. в-ством извинения принести не могу, но, признав меня виновна, предаюсь во всевластное вашего и. в-ства наказание, ибо я оное сам признаю, что учинил противно, но при сем и обстоятельства того не ко оправданию моему, но токмо ко известию всеподданнейше доношу. Как я весьма болен был, пришед ко мне хозяин оного протопопа, бил челом, что протопоп противно запрещения велел баню в доме его затопить и, зажегши оную, разломал, по которому я к нему послал адъютанта и велел говорить, что он учинил непристойно и чтоб ту баню починил. На завтра пришел оный хозяин, жаловался паки, что протопоп жену его обидел непристойными словами и поступками, по которому я, его, протопопа, призвав, пристойными словами представлял, чтоб он вел себя, как его чести пристойно, ведая, что я таким продержностям терпеть не буду, при котором он жаловался на хозяина, яко бы его бранит непристойно, и потом оный протопоп, пришед в дом свой, хозяйку оную бил запоркою, которая ко мне с матерью прибежала разбитая, и сие привело меня в сердце, что я видя, еже судить его некому,

велел его призвать к себе и, покричав, велел посадить в канцелярии на цепь, доколе проспится, ибо было после обеда, и былдержан часа два или три, но потом его свобода, хозяина отоспал к воеводе и велел за брань того протопопа достойно наказать, но чтоб впредь ту причину пресечь, велел его, протопопа, перевезти на иной двор, по которому он, протопоп, пришед ко мне, просил прощения и чтоб я в Синод не доносил, и я для избежания впредь ему поношения о жалобе хозяйственной не токмо в Синод не доносил, но и в канцелярии записать не велел. Потом его неоднократно просил, чтоб он ходил ко мне чаще обедать, и всегда, когда придет, давал ему стул, с которого он, по-видимому, содержал себя изрядно, и я его употребил себе в духовника, но потом просил он меня, чтоб я здешним попам приходским запретил к офицерам и другим порученной мне команды людям с потребою ходить, в котором я ему яко непристойном отказал, и сие привело его на меня жаловаться; он же объявил несколько попов пришлых с собою, желающих служить при комиссии, и требовал на них за треть жалованья, но так как из оных некоторые ни ставленных, ни свидетельства о себе не имели и принятые без моего известия, то я, ни словом его не оскорбя, велел тех попов допросить и в жалованье отказать. Апреля 5 числа пришел он, протопоп, пьян в избу хозяина своего, ударили капрала в щеку, по которому козаки, не утеряя, довольно его, протопопа, побили. Понеже оный протопоп хотя и не часто пьян бывает, но когда напьется, то редко без драки проходит, о чем здесь всем известно, но за страх довольно того берегся, ныне же если дать волю, то опасно большого между чужестранцы стыда; по артикулу же положено для смирения отсылать их к духовному суду, но здесь никоего духовного суда в близости нет, на что всеподданнейше прошу повеления, как повелите в таких случаях с ними впредь поступать».

Наконец, обнаружилась опасность и со стороны киргизов. Воры-башкирцы, видя, что не могут бороться с русскими собственными силами, обратились к киргизскому хану Абуль-Хаиру, признавая его своим главою. Абуль-Хаир прельстился этою честию, женился на башкирке и начал обнаруживать враждебные намерения относительно России. В конце апреля он привел с собою к Оренбургу немалое число воров-башкирцев, по челобитью которых забрал много верных башкирцев, правил на них скот и на себя заставлял платить штраф. Начальствовавший в Оренбурге майор Останков послал ему сказать, чтоб он не судил по челобитью воров, но хан, вынув саблю, отвечал: «Город мой и для меня построен, а кто не послушает, тому голову отрублю». 9 мая Татищев писал императрице: «О успокоении башкирцев паче всякого чаяния весь мой должностной труд уничтожился, и они начали новые нападения чинить. Так как многие их старшины пишут, что все

покорится, если штрафных лошадей сложить, то я писал к генералу Соймонову обнадежить, что штраф снимется, если они пришлют знатных людей и будут о том просить, а между тем нет способа силою их к покорности принудить. По посланному от меня ордеру майор Остаников бывших при Абул-Хаир хане из главных воровских старшин Кусяпа да Ахмата-муллу, да посланных от Абул-Хаир хана в Кайсаки четырех башкирцев схватил и содержит под крепким караулом, и хотя они показали, что Абул-Хаир не только их не успокоил, но возмущал, штрафа платить не велел и сына своего в Башкирии ханом хотел сделать; однако я, опасаясь, чтоб он, хан, осердясь или испугавшись, не отъехал и больше пакости не сделал, писал к нему наскоро, что будто бы майор тех старшин схватил без указа и обещал наказать виноватого, а к майору писал, чтоб их крепко содержал и хана более прежнего довольствовал. Хотя Абул-Хаир хан свою присягу нарушил, однако я, взирая на глупую их дикость и опасаясь, чтоб других их салтанов и ханов жестокостью не острашать, намерен с ним ласково обойтиться и о погрешностях его разговором выговорить. Хотя я, не взирая на великие во всем недостатки и будучи болен, крайне прилежу, чтоб скорее в поход выступить и сим воров к покорности принудить, но большое препятствие в том, что офицеров и рядовых очень много больных, чemu причина воздух и здешние серные воды».

На все эти донесения Татищев получил грозный указ: «Мы с великим удивлением и неудовольствием усмотрели, коим образом от бунтующих башкирцев новые замешания начались, а наипаче, что и хан Абул-Хаир с ними соединился и имеют злое намерение атаковать Оренбург, чего мы никогда не надеялись, ибо вы в прежних своих доношениях именно обнадеживали весь башкирский народ добрым способом в усмирение и должное покорение привести, и что уже многие с повинными приходят и штрафных лошадей приводят. Башкирцев в такое своечество привело, и Абул-Хаир хан к их стороне стал быть преклонен оттого, что как вы, так и генерал-майор Соймонов в удобное время, когда еще у башкирцев лошади были не накормлены, нималого поиску над ними не учинили и таким своим мешканием дали им новые беспокойства заводить. Что же доносите, якобы ваш поход остановился за неприсылкою денег, то когда провиант и ружья есть, то хотя б в прочем и недостаток был, за тем останавливаться и времени терять не надлежало, а вам известно, какой важности сие дело есть. Сим нашим указом вам наикрепчайше подтверждаем, что всемерно надлежит вам со всею своею командою к Оренбургу поспешать без всякого отлагательства, а ежели над оным городом учинится гибель или людям урон, то особливо вы в том пред нами дадите ответ, ибо мы оную крепость отнюдь потерять не хотим».

Татищев поспешил походом, застал в Оренбурге все благополучно, свиделся с Абул-Хаиром, заставил его подтвердить свое подданство России, хотя хан долго не соглашался подписываться рабом. Абул-Хаир говорил: «Человек живет в свете и детьми память о себе оставляет, но сия память и скоту равна есть, а честь приобретенная человеку вовеки не умирает, и я тем ныне наиболее должен радоваться, что мое имя в так великом и славном государстве известно». Татищев сказал на это: «Не только у нас, но и во всей Европе будет известно, потому что у нас такие дела напечатают и всюду разошлют». Киргизы подрались за подарки, данные им Татищевым, Абул-Хаир сказал при этом: «Пожалуй не осуди, что этот дикий народ так бесчинен, а мне очень приятно, что они теперь тем хвалят, чему прежде смеялись и ругались». Татищев писал кабинет-министрам: «Сей народ столько глуп, что без стыда просят и за столом наставленные конфеты, собирая, в платки вяжут, а тарелки, ложки, ножи серебряные класть пред ними нельзя, и хотя некоторые из знатных тут их бранят, но мало помогает; да и хан, которому я быков, баранов, круп и прочего посыпал, не постыдился все это прислать продавать и у меня опять просить, и я принужден вареное и жареное мясо ежедневно посыпать. Хан, по-видимому, великое усердие и покорность имеет, ибо его в том польза, но очень непостоянен, его же мало и слушают, а более всех силы имеют Средней орды Жанибек-батыръ да Чурек, а в Меньшой Букей-бай-батыръ, которых я, как казенным, так и моим, довольно одаря, отпустил. По прибытии моем здешнюю крепость нашел я в ужасном состоянии: оплетена была хворостом и ров полтора аршина ширины, а сажен на 50 и рва не было, так что зимою волки в городе лошадей поедали. Ныне, сколько время допустило, поправил, ров выкопал 5 аршин ширины, 3 глубины и едва не весь вал снаружи дерном заклал; только с сожалением вижу, как у нас инженерные офицеры в практике искусства и рассуждения не имеют. В заключение принужден донести, что денег при комиссии ничего нет, и солдаты без жалованья целый год претерпевают крайнюю нужду, также провиантским подрядчикам заплатить нечем».

В конце августа Татищев отправил с купеческим караваном поручика Миллера в Ташкент, давши ему наказ вытребовать беспошлинную для русских купцов торговлю и постараться съездить в бухарские города. За купцами строго смотреть, чтоб жили смирно, с тамошними купцами правильно и порядочно поступали и никаких обманов не употребляли. По дороге реки, озера, горы примечать и записывать с расположением, особенно когда будет на Сыр-Дарье. В Ташкенте разведывать о состоянии, силе и власти хана, о силе, власти и порядках магистрата; смотреть, какие товары русские и в

каком количестве там могут быть проданы, какие товары нам нужны у них есть или сделаны быть могут, сколько в год золота получить можно и дорогих камней. Русским купцам иметь крепкое согласие и поодиночке не торговаться, но с согласия всех. Старательно наведываться о русских пленных и требовать от хана их освобождения; когда не согласится, то выкупать, если не очень дорого будут просить. Если узнается о золотой или серебряной руде, то достать несколько фунтов, и место, где находится, записать. Между прочими товарами стараться купить бумаги хлопчатой, тонкой, пряденою пуд 10, особенно, если можно, крашеной, разных цветов, только бы крашенье было не линючее и наведаться, где у них лучше всего прядут и красят. Говорить тамошним купцам, чтоб привозили шерсти верблюжей хотя по 500 пудов, особенно белой, также бумажные полотна и хорошие выбойки и шелковые материи широкие и хороших цветов; показывать им немецкие выбойки и как лучше товары делать, разговорами наставлять.

Что касается башкирцев, то они разбойничали только тогда, когда с русской стороны движение останавливалось или замедлялось, и тотчас же являлись с повинною, как скоро видели наступление русских полков: так и теперь поход Соймонова в горы заставил их смириться и выдать главного возмутителя Бепеню. В конце 1738 года, поздравляя кабинет-министров с усмирением башкирцев, Татищев просился приехать в Петербург, что ему и было дозволено. Приехавши в Петербург, Татищев 20 февраля подал императрице доношение, в котором настаивал, что место, выбранное Кирилловым для Оренбурга, неудобно: место низкое, отделенное от всех русских городов высокими горами, бесплодное, безлесное; что удобнейшее место найдено им, Татищевым, в 140 верстах, при урочище Красная Гора. Кабинет-министры, обсудив донесение Татищева вместе с ним, решили: город Оренбург строить при Красной Горе, а прежний Оренбург называть Орскою крепостью; в помощь Татищеву определить двух советников да ассессора; строение на Аральском море города отложить до времени. Но вне Кабинета распорядились иначе: вместо Татищева назначен был генерал-лейтенант князь Василий Урусов, которому поручили все башкирские дела, потому что Соймонов переводился вице-губернатором в Казань.

Князь Урусов в марте 1740 года донес из Самары, что между башкирцами, именно по Сибирской дороге, явился новый возмутитель, по одним известиям турок, по другим — кубанец, именем Салтан-Гирей, прозвищем Карасакал, или Черная борода. Он разглашает, что имеет силы 82 000 человек, живет на реке Кубани, а старое его жилище в Башкирии, и потому старается возвратить себе прежние юрты. Услыхав о башкирском разорении, он приехал с 8000 кубанского войска, с 2000 калмыков и с 500 киргизов; войско это он оставил

в вершинах реки Эмбы, а сам приехал для проведения о башкирском житье-бытье; войско его придет скоро и вместе с башкирцами станет разорять русские жилища. Башкирцы верят обманщику, волнуются и провозгласили уже Карасакала ханом. В апреле Урусов извещал, что Карасакал посланными против него партиями не только не искоренен, но усиливается большим числом воровских башкирцев, которые уже начали нападать на верных. Впрочем, воры, услышав о движении русских войск, очень жалеют, что рано объявили Карасакала и начали рано бунтовать; говорят, что если к Карасакалу обещанного им войска не будет, то они его выдадут русскому начальству. Урусов писал: «Вышеписанные обстоятельства довольно показывают, что то происшедшее замешанное иначе прекращено быть не может, как только силою оружия и причинением тем ворам *потомственного* страха, ибо много оказыванное к ним высочайшее милосердие в нечувствительных их воровских сердцах почитай никакой желаемой спокойности не учинило, да и всегда такие милосердые наказания по жестокосердию сего народа к лучшему споспешествовать едва могут ли». В мае командовавший русским отрядом с Сибирской стороны полковник Арсеньев поймал главнейшего вора и зачинщика башкирца Аланзиангула, который показал, что Карасакал вовсе не кубанец, а башкирец Ногайской дороги, у которого там дом, мать, братья, жена и дети, а султаном и ханом назвал его он, Аланзиангул, с другими воровскими башкирцами для возмущения прочих; они же разгласили и о войске Карасакаловом, которого никогда не бывало. В июне Карасакал, испугавшись сильных движений русских войск, перешел с своею шайкою Яик и побежал в степь, за ним погнался подполковник Павлуцкий и близ Тобола нанес несколько поражений, но вор ушел далее в степь. Павлуцкий не мог за ним гнаться за присталью лошадей. В июле Урусов получил известие, что Карасакал пойман киргизами. Тогда для *потомственного* страха всему башкирскому народу перевешали и отрубили головы 170 башкирцам, захваченным на возмущении, да в разных командах прежде казнено было 432 человека; роздано разных чинов людям 1862, отослано в остзейские полки и во флот 135, воровских деревень пожжено 107²⁶⁴.

Но для утверждения своей власти в отдаленных восточных окраинах правительство считало нужным казнить не одних бунтующих башкирцев. Сибирь продолжала быть театром вопиющих воеводских злоупотреблений. В 1736 году Сибирь, находившаяся до сих пор вся в управлении одного губернатора, разделена была относительно управления на две части — западную и восточную; в восточную часть, в Иркутскую провинцию, был назначен вице-губернатор, совершенно независимый от губернатора западной Сибири, жив-

шего в Тобольске; оба были подчинены Сибирскому приказу²⁶⁵. В том же году отсечена была голова иркутскому вице-губернатору Жолобову за взятки, за дружеское обращение с шельмованными людьми, которые были сосланы за важные вины, против офицеров, посланных арестовать его, обнажил шпагу, пренебрегал донесениями о важных дела, сам брал с ясачных людей взятки, а казенного сбора упустил 8230 соболей, тайно провозил товары, с крестьян сбирая по-дати на себя, удерживал козацкое жалованье, китайских перебежчиков за взятки не высыпал за границу в противность мирного договора, отбирал у дворян земли и отдавал своевольно пашенным крестьянам за взятки, беспорядочными поступками нажил 34 821 рубль, пытал безвинно, жег огнем²⁶⁶. В начале 1739 года дан был Сенату любопытный указ относительно Сибири: «Во многих городах Сибирской губернии определены воеводами из тамошних обывателей, а именно: из купечества и козаков и прочих тому подобных, которые браны в рекуты и дослужились офицерских рангов, в том числе и неумеющие грамоте, а иные, не служа, написаны из козаков в дворяне и воеводы, також и бывшие у некоторых персон в холопстве, да и такие, которые бывали в розысках и наказаниях, а потом чрез их проказы воеводами ж определены, и понеже оные люди к таким делам произыскивают не для того, чтоб им труд и радение показать, но чтоб только самим обогатиться, и потому в правлении дел и доброго порядка и пополнения государственных доходов ожидать от них невозможно. Того ради указали мы в оную Сибирскую губернию выбрать воеводами из знатного шляхетства добрых и пожиточных и совестных людей и, расписав, кому из них в котором городе быть, отправить туда без всякого замедления»²⁶⁷.

Между тем хлопотали об извлечении возможных выгод из соседства Сибири с Восточным океаном. Капитан-командир Беринг по возвращении из своего путешествия, которым подтвердилась отдельность Азии от Америки, представил, что далее Оста море волнами поднимается, также и на берег острова Караганского выбросило большой сосновый лес, который в Камчатке не растет, поэтому он предполагает, что Америка или другие между нею и Азию лежащие земли недалеко от Камчатки, и если подлинно так, то можно с ними установить торговлю. По этому представлению Сенат приказал: идти ему, Берингу, на морских судах для проведения новых земель, лежащих между Америкою и Камчаткою, также островов, идущих от Камчатского носа к Японии, для установления торгов и наложения ясака на народы, никому не подвластные; только того накрепко остерегаться, чтоб не зайти в такие американские и азиатские места, которые уже находятся под владением европейских государей или китай-